

— Что это? — любопытствовал Шэн Синъюань.

Хань Жуй немного успокоился и кивнул на листок, безмолвно предлагая посмотреть самому.

Синъюань снова присел на край кровати и взял стандартный лист формата А4. Это была ксерокопия — извещение о зачислении в Командную академию сухопутных войск.

— А кто такой Ци Мин? — спросил он, указывая на имя в бланке.

Хань Жуй презрительно скривился:

— Сын этой женщины.

Синъюань быстро сообразил, о ком идёт речь.

— Значит, этот Ци Мин тебе... брат? — осторожно спросил он.

— У меня нет брата, — отрезал Хань Жуй, отворачиваясь.

— Ну и ладно, нет так нет, — Шэн Синъюань приобнял его за плечи, пытаясь приободрить. — А в самом письме что-то было?

Хань Жуй качнул головой:

— Ничего. Только эта копия.

«Решили припугнуть?»

Синъюань крепче прижал Хань Жуя к себе и усмехнулся:

— Подумаешь, Командная академия! Тоже мне, повод для гордости!

— В прошлом году я подавал туда документы. Не прошёл, — глухо отозвался Хань Жуй.

«Вот же твари!» — мысленно выругался Синъюань.

Теперь стало понятно, ради чего они слали это письмо за тридевять земель. Решили ткнуть носом, поиздеваться!

— А сам-то ты хочешь в военную академию? — Синъюань ласково похлопал его по плечу.

Хань Жуй кивнул:

— Конечно.

— Отлично, значит, поступим! Негоже позволять этому выскочке упиваться триумфом в одиночку.

— Но я не уверен, что справлюсь... — Хань Жуй нахмурился.

— Это ещё почему? — Синъюань крепче обнял его и весело рассмеялся. — У тебя же есть я! Пусть первым учеником провинции я не стал, но в тройку лучших по точным наукам вошёл уверенно. С таким репетитором тебе вообще бояться нечего!

Синъюань с напускным пафосом выпятил грудь колесом.

— Хвастун! — Хань Жуй наконец улыбнулся, и тень грусти сошла с его лица. — Школьную программу я и правда подзабыл. Дома последние годы творился такой ад, что было не до учёбы. Так что... вся надежда на тебя. Сделай скидку бестолковому ученику.

— Завязывай с реверансами, — притворно насупился Шэн Синъюань и в наказание шутливо прикусил его за нижнюю губу. — Свои люди уже. Твоё дело — моё дело. Не поступишь — это же по моему авторитету удар!

Улыбка Хань Жуя становилась всё теплее, пока он окончательно не расслабился, уткнувшись лбом в плечо Синъюаня. Сколько он себя помнил, мать только и делала, что жаловалась на судьбу и тонула в жалости к себе, а отцу до него вообще не было дела. Никто и никогда не говорил ему простых слов: «Ты мой сын, я горжусь тобой».

Формально у него была семья, но он всегда чувствовал себя там чужим. И вот теперь появился человек, который открыто заявляет: «Ты мой, и за твоё будущее отвечаю я!»

Как тут не растрогаться? Как не радоваться?

Хань Жуй тихо смеялся, а в уголках глаз заблестели слезинки. Сквозь влажную пелену он видел, как взволновано лицо Синъюаня, как тот целует его, обнимает и без конца спрашивает, что стряслось...

«Я просто счастлив. По-настоящему»

Хань Жуй зажмурился и крепко сжал в пальцах ткань его гимнастёрки.

— Хань Жуй, ну правда, что с тобой? — Синъюань встревоженно поцеловал его в лоб.

— Сказал же, радоваться надо! — буркнул Хань Жуй и ладонью зажал ему рот.

Синъюань так и не понял, что послужило триггером для такой бурной реакции, но раз его любимому хорошо — пусть делает что хочет.

Из-за этой злосчастной бумаги Хань Жуй совсем потерял покой и рвался прочь из палаты.

— Радость моя, ну полежи ты ещё пару дней, а? — уговаривал его Синъюань. — Врач сказал, сделаем повторный снимок, и всё. Зачем потом мотаться туда-обратно?

— Здесь слишком вольготно, — хмурился Хань Жуй. — Боюсь, расслаблюсь окончательно и весь боевой задор растеряю.

— Ну ты и паникёр! — прыснул Синъюань. — Не беги впереди паровоза. Поступить-то всё равно только в следующем году будешь. Первогодкам рапорты на учёбу подавать не положено.

— Точно, из головы вылетело, — смущённо хмыкнул Хань Жуй.

— Я тут размышлял над этим последние пару дней... — Синъюань немного помолчал, подбирая слова. — И знаешь, хочу тебе кое-что сказать.

Хань Жуй с любопытством взглянул на него:

— Выкладывай.

— Если ты искренне хочешь стать офицером, я разобьюсь в лепёшку, но помогу тебе. Без лишних вопросов. Но если ты затеял это чисто назло...

Хань Жуй недовольно нахмурился:

— За кого ты меня принимаешь? Я что, пацан сопливый?

— Ты не так меня понял, — мягко прервал его Синъюань. — Я безумно хочу, чтобы твоя жизнь сложилась удачно. Но выбирать дорогу нужно умом и сердцем, а не вопреки кому-то. Да,

первые восемнадцать лет твоей жизни были несладкими, и ты имеешь полное право злиться на отца и его пессию. Я не призываю тебя всё забыть и простить. Я просто хочу, чтобы ты думал в первую очередь о собственном благе.

Хань Жуй опустил глаза, внимательно вслушиваясь в его слова.

— Око за око, зуб за зуб — я только за то, чтобы вернуть своё с лихвой. Но мне больно видеть, как ты растрачиваешь нервы и душу на обиду и гнев из-за них, — Синъюань накрыл его ладонь своей и нежно сжал пальцы. — Кроить собственную судьбу в угоду чужакам — слишком опасная игра.

Хань Жуй едва заметно кивнул:

— Я тебя понял.

— Да и вообще, не захочешь погоны носить — не надо. Уж безбедную-то жизнь я тебе точно обеспечу! — Синъюань шутливо приложил руку к сердцу, лучась самодовольством. — А как иначе? Я же мужчина Хань Жуя!

— Иди к чёрту! — Хань Жуй шутливо замахнулся на него здоровой рукой. Стоило только поговорить о серьёзном, как этот шут опять включил своего внутреннего балаганщика. — Я тоже мужик, и содержать меня не надо!

— Ну тогда ты меня содержи, — тут же пошёл на попятную Синъюань, комично заискивая.

Хань Жуй посмотрел на сияющую физиономию Синъюаня.

«Надо же быть таким наглецом, чтобы проситься на содержание с таким непоколебимым достоинством!»

— Я вообще неприхотливый: ем мало, шмотки дорогие не требую, а главное моё достоинство — умею отлично греть постель... — вовсю нахваливал себя Синъюань.

Хань Жуй бросил взгляд на палящее солнце за окном и сухо отрезал:

— На улице жарища, так что обойдусь без обогревателя.

— Ну тогда отложим до холодов... — заканючил Синъюань, скорчив уморительно несчастную мину.

— Вот зимой и обсудим. А теперь отсыдь, от тебя и так дышать нечем!

Шэн Синъюань послушно отполз на край кровати, сделав вид, что ужасно напуган грозным тоном.

Несмотря на то что подавать рапорт можно было только через год, Шэн Синъюань в тот же день позвонил своему двоюродному брату Жунъюаню в город С и попросил прислать полный комплект школьных учебников и пособий для подготовки к экзаменам.

— Брат, тебе-то это зачем? — удивился Жунъюань.

— Мой сослуживец собирается поступать в военное училище. Хочу подтянуть его по предметам, — ответил Синъюань.

— Ну надо же, какой ты заботливый, — съязвил брат. — Когда я два года назад в университет поступал, ты пальцем о палец не ударил, чтобы помочь.

— Сравнил тоже! Ты у нас золотой медалист, куда мне со своим свиным рылом в твой калашный ряд? — усмехнулся Синъюань.

— Ладно тебе, вечно переспоришь, — добродушно отозвался Жунъюань. — На сборы уйдёт несколько дней. Время терпит?

— Вполне. Отправляй посылкой, буду ждать.

— Договорились, соберу всё в лучшем виде.

— Выручил, спасибо!

— Да брось ты, для своих же, — парень рассмеялся и повесил трубку.

— Ну что там? — Хань Жуй сидел в инвалидном кресле неподалёку.

— Моё слово — закон, разве он посмеет отказать? — хвастливо выдал Синъюань.

— Хватит строить из себя важную птицу, — Хань Жуй беззлобно пнул его здоровой ногой. — Позвонил? Поехали в палату.

Синъюань покатил кресло к лифту.

— Снимок сделали, торопиться некуда. Может, проветримся во дворе?

— Нам разрешат? — обернулся Хань Жуй.

— А кто запретит? Лифт работает, препятствий нет.

— Ладно, давай.

Они спустились на первый этаж и вышли в небольшой внутренний садик при госпитале. Конец лета радовал буйством зелени, ветерок приятно охлаждал кожу. Хань Жуй зажмурился и глубоко вдохнул свежий воздух.

— Хорошо-то как, а? — Синъюань присел рядом на корточки, чтобы смотреть на мир на одном уровне с ним.

— Знаешь, отсюда всё выглядит иначе, — тихо произнёс Хань Жуй, разглядывая клумбы. Когда цветы колыхнутся прямо перед глазами, в этом есть своя прелесть.

Но тут же добавил, вздрогнув:

— Разок-другой посмотреть прикольно. Но остаться в таком положении на всю жизнь... не дай бог.

— Дуралей, прекрати нагонять жути, — мягко попенял ему Синъюань.

Хань Жуй вытянул зафиксированную ногу:

— Лишь бы зажило нормально, без последствий.

— Заживёт, даже не сомневайся! — твёрдо пообещал Синъюань. — С этого момента я сделаю всё, чтобы у тебя в жизни всё шло как по маслу.

Хань Жуй долго и пристально смотрел на него, а затем негромко усмехнулся:

— Смотри не лопни от хвастовства.

И весело, облегчённо рассмеялся.

Повторный снимок показал, что кость срастается отлично. Гипс снимать было рано, требовался покой, но усидеть на месте Хань Жуй больше не мог — письмо от мачехи лишило его сна. Он настоял на выписке. Поставив в известность начальника штаба Линь Шаоюя, парни собрали нехитрый скарб и поехали обратно в роту.

— О, явился наш герой! — забасил Лао Ню, спеша им навстречу с широкой улыбкой.

Хань Жуй лишь криво усмехнулся на эту беззлобную подначку.

— Ну брось, брат Ню, — вмешался Синъюань, пряча улыбку. — Он и так переживает, что кубок упустил, не бреди рану.

— Да какое там «дразнить»! — замахал руками Лао Ню. — У нас в роте его подвиг уже трижды в пример ставили на общих построениях. Это же гордость наша!

Он воровато огляделся и, понизив голос, заговорщицки спросил:

— Слушай, а правда, что из штаба дивизии награду прислали? Что там хоть?

Синъюань обнял Хань Жую за плечи, обменялся с ним красноречивым взглядом и вздохнул:

— Да сам посмотри на наши сумки. Откуда там наградам взяться?

Лао Ню окинул взглядом их нехитрые пожитки — кроме зубных щёток, мыла да мазей для ноги ничего не было.

— Ну и жмоты в этом штабе! — сплюнул он.

— Зато я кое-что специально для тебя прихватил, — вкрадчиво прошептал Синъюань. — Тебе как, на всех делить или?..

— Ай, шельмец! Сразу видно — наш человек! — осклабился Лао Ню. Он ловко перехватил протянутый свёрток, спрятал за спину и по-быстрому испарился.

Хань Жуй молча наблюдал за этой воровской пантомимой и лишь покачал головой.

В казарме Хань Жую временно перевели на нижний ярус. Шэн Синъюань заблаговременно попросил Лу Ливэня перестирать всё постельное бельё, так что теперь, когда Хань Жуй лёг на кровать, его окутал свежий, едва уловимый запах мыла и порошка.

— Ну вот мы и на базе. Отдыхай, боец, — улыбнулся Синъюань, похлопав его по плечу.

Вскоре с полигона вернулись остальные ребята. Койку Хань Жуя тут же облепили сослуживцы. Расспрашивали обо всём на свете: как нога, сильно ли было страшно, когда оползень пошёл, вкусно ли кормят в госпитале...

Синъюань забрался на второй ярус раскладывать вещи. Глядя сверху вниз на оживлённо болтающего с парнями Хань Жуя, он с теплотой отметил, что тот стал заметно мягче и открытее. Тень былой угрюмости почти растаяла.

— Устал? — спросил Синъюань, когда суэта улеглась. Он принёс ужин из столовой — Лянь Чжигу лично приготовил для раненого питательный бульон.

— Ничуть, — Хань Жуй мотнул головой. — Это я должен у тебя спросить. Ты с самой выписки на ногах, ещё и на вечернюю тренировку успел сбегать. Сил-то хватает?

— Молодому организму всё нипочём, — хохотнул Синъюань. — Давай ешь, пока горячее. Старина Чжигу у плиты ради тебя расстарался.

Хань Жуй взял палочки и принялся за еду.

— Не торопись, прожуй нормально, — Синъюань примостился рядом, ласково глядя на него.

Хань Жуй поднял на него глаза, благодарно улыбнулся и стал есть спокойнее.

— Ну что, голубки, опять секретничаете? — в проходе показалась долговязая фигура Гу Фэя.

— Командир третьего! — хором отозвались парни.

— Сидите-сидите, — махнул рукой Гу Фэй, заходя в кубрик. — Услышал, что Хань Жуй вернулся, решил заскочить поведать.

— Спасибо, командир, — искренне поблагодарил Хань Жуй.

— Да брось ты! — отмахнулся тот. — Делов-то. Я толком и помочь ничем не успел.

Синъюань незаметно загородил Хань Жуя плечом, чтобы тот мог спокойно доесть, и протянул Гу Фэю сигарету, завязывая дежурный разговор. Но поболтать они не успели — из коридора донёсся громкий крик:

— Командир третьего отделения! К командиру роты срочно!

— Да иду я, иду! — проворчал Гу Фэй. Он с сожалением затушил едва раскуренную сигарету и

убрал бычок в карман. — Ладно, ребят, командир роты зовёт. Я побежал.

— Давай, удачи, — напутствовал его Синъюань.

Гу Фэй махнул рукой на прощание и скрылся за дверью.

Синъюань вновь присел на табурет, наблюдая, как Хань Жуй расправляется с ужином. Но не успел тот донести до рта очередную ложку, как на улице поднялся невообразимый шум.

Синъюань покосился на окно, но в сгущающихся сумерках ничего нельзя было разобрать.

— Что там стряслось? — Хань Жуй вытянул шею, прислушиваясь к крикам. — Выгляни, разузнай.

Синъюань качнул головой:

— Да сиди ты. Сейчас сами прибегут и расскажут.

И точно: дверь с грохотом распахнулась, и в кубрик влетел запыхавшийся Чжу Юн.

— Парни, атас! Там Лу Ливэнь с Гу Фэем сцепились! Прямо на плацу дерутся!

<http://bllate.org/book/18240/1765418>